

Мороз

Мороз захватывает дух,
Как спирт чистейший, губы сушит.
И ветер гонит, как пастух,
Свистит, смеясь, в рожок пастуший.

И мне достаточно глотка,
Чтоб этим воздухом напиться,
Зардеет заревом щека,
И у прохожих мёрзнут лица.

Слеза дрожит, замедлив бег,
И застывает льдинкой тут же.

Скрипит стеклом лежалый снег.
И солнце розовое к стуже.

Как будто выстрелы, хлопки
От голубей, взлетевших стаей.
И вспоминают старики,
Страницы памяти листая:

— Когда вот так, в каком году
Стояли лютые морозы,
Чтоб стыли птицы на лету
И замерзал мужик тверёзый?

По ком опять звонят колокола

Я день гоню мечтой о лучшем дне,
А он приходит всё такой же серый.
Болит душа, и всё сдаётся мне,
Что Русь живёт по-прежнему без веры.
Мы и теперь не можем без потерь.
Какой-то рок всю жизнь идёт за нами.
Я верил в Бога. Говорят: «Не верь!
Там пустота одна за облаками».
По ком опять звонят колокола?
О ком Россия — мать больная плачет?
Она нас с детства за руку вела,
И мы не представляли жизнь иначе.
Нам обещали и при жизни рай:
— Ещё немного поднажмём — и точка.
Теперь я вижу: у земли есть край.
И сердце сжалось розовым комочком.

Поэт и скрипачка

*Памяти поэта-художника
Альберта Ильинского*

Поэт и девочка-скрипач.
Я встретил их на рынке как-то
И пожалел, что не богат,
Что я смирился с этим фактом.

Поговорив о том, о сём
С известным в городе поэтом,
Сошлись на том, что невесом
Наш гонорар зимой и летом.

А девочка, не слыша нас,
Легко пиликала на скрипке.
Лежало в баночке как раз
Рублей с полсотни, мятых, липких.

И рядом книжица его
Стихов с русалкой на обложке.
Десятку он просил всего,
Старик, контуженный в бомбёжке.

На хлеб, на чай и на табак
Он заработать может за день.

Ему ещё бы на кабак —
Поэт почти всегда всеяден.

Но не о том его печаль.
Они дотянут до получки.
Ему достаточно на чай,
Да на учёбу надо внучке.

Его девчужка — вундеркинд,
И ей бы надобно учиться,
Такая хрупкая на вид.
Как примет девочку столица?

Они стояли там вдвоём,
Уже охрипшие от жажды.
Не каждый жаловал рублём,
А скрипку жадно слушал каждый.

И я посетовал на быт
Наш, неустроенный и дикий.
А скрипка плакала навзрыд,
Глуша толпы базарной крики.

Сибирская весна

С покатых крыш летит капель,
А за окном мороз за двадцать.
И март холодный, и апрель,
Зима не думает сдаваться.

Но всё же в городе весна,
Следы её видны повсюду.
Всегда несёт с собой она
И радость жизни, и простуду.

Она с отходом не спешит,
По дням былым метелью тужит.
И лёд, холодный, как гранит,
Ещё январской дышит стужей.

И только май, один из всех
Уже почти что месяц летний,
Весны приветствует успех,
Когда растает снег последний.

На одуванчике пчела

На одуванчике пчела,
Пчела на одуванчике.
Ещё вчера, ещё вчера
Вовсю резвились мальчики.

Сегодня осень за окном
Всё небо занавесила

И чёрный ворон-агроном
Шагает полем весело.

И стынут мухи на окне
Уже неделю сонные,
И задаёт вопросы мне
Мой внук вполне резонные.

Ноябрь

Стоит ноябрь. Давно деревья голы.
Но осень словно повернула вспять:
Уже созрели в доме разносолы,
А снега нет. Дожди идут опять.

А среди дня, когда уже в зените
Порой как летом солнышко печёт,

Всё тянутся серебряные нити
И тает в лужах неокрепший лёд.

Набухли кое-где на ветках почки,
И муха снова просится в полёт.
Пока пишу неспешно эти строчки,
Глядишь — и одуванчик зацветёт.

У моря

Как я любил твои отзывы,
глухие звуки, бездны глас.

А.С. Пушкин

Осенний день уже угас,
на землю сумерки упали.
И шар луны, как Божий глаз,
горит в серебряном овале.

Дорога лунная легла
широкой лентой по заливу.
Ещё чуть-чуть — и скроет мгла
волны крутой седую гриву.

Звезда проявится одна,
затем ещё вторая, третья...
И небо звёздное без дна
вновь заалеет на рассвете.

А он сидит один у скал,
на море Чёрное взирая.
Он жить, рискуя, не устал,
Певец красот Бахчисарая.

Он мой и твой

Я возвращаюсь к Пушкину всегда,
Когда бывает в нашей жизни трудно.
Он мне, как путеводная звезда:
С ним на земле тепло мне и уютно.

Мы молоды и сердцем, и душой,
И потому, вникая в эти строки,
Вы помните, читатель дорогой:
У нас в России общие истоки.

От Пушкина идём мы сквозь века
И вновь к нему по замкнутому кругу:
Так мысль его бездонно глубока
И так понятна истинному другу.

Он мой и твой, и в каждом из живых
Живёт его бессмертия частица.
И я из тех, чей безыскусный стих
Достичь его величия стремится.

Куда ж нам плыть?

Куда ж нам плыть?..

А.С. Пушкин

Рука певца лежит на пистолете.
Крепчает ветер, ярится мороз.
Сменяются в России лихолетья.
«Куда ж нам плыть?» — вы слышите вопрос?

Вопрос поэтом задан на столетья,
Ещё до нас задолго и всерьёз.
Бушуют всюду войны на планете.
Куда ж нам плыть? — вы слышите вопрос?

И я не сплю, рифмуя эти строки.
Куда ж нам плыть? Гнетёт меня вопрос.
Нет, на Руси не вывелись пророки!
Но спит, как в штиль, измученный матрос.

Закончилось двадцатое столетье.
Век двадцать первый на крови пророс!
Политики, философы, ответьте,
Куда ж нам плыть, вы помните вопрос?

Бобыль

Сквозняк откроет двери,
А в доме ни души,
Пойдёт квартиру мерить,
Бумаги ворошить.

Задержится на кухне,
Где стынет в кружке чай,
И форточкою стукнет,
Как будто невзначай.

С дровами из сарая
Войдёт хозяин в дом
И, тяжело вздыхая,
Займётся очагом.

Бумаги стопкой сложит
И сядет у стола.

Подумает: «Негоже
Разбрасывать дела».

Допишет на конверте
Обратный адрес свой.
— Не пишут писем, черти,
И не хотят домой.

Пять лет к нему не едут
И внуков не везут.
Он не пойдёт к соседу
Вершить над миром суд.

Накинет молча свитер,
От чая разомлев.
Он здесь последний житель
На маленькой земле.